



Константин Станюкович

Тоска

«Public Domain»

1903

Станюкович К. М.

Тоска / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1903

Содержание

I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Михайлович Станюкович

Тоска

рассказ ¹

Посвящается М.И.Полованец

I

Перед рождественскими праздниками клипер “Нырок” стоял на неаполитанском рейде. Было холодно и неприветно. Хлестал дождь.

По временам налетали шквалы, и “Нырок” изрядно клевал носом. Солнце изредка показывалось, пригревало и снова скрывалось за серыми облаками.

На клипере только что пообедали, как в кают-компанию вошел черномазый, красивый молодой неаполитанец Пепино.

Вздрагивая от холода в своем довольно легкомысленном пальтишке, Пепино стал просить, умолять, наконец требовать, чтобы офицеры купили у него превосходные кораллы, камни, кольца и брошки, которые он показывал, открывая своей сухой, довольно грязной рукой небольшой ящик, полный соблазнами.

Никто не покупал.

Только два мичмана заглянули в ящик.

Но, вероятно, вспомнив, что в карманах у них ни “чентезима”, они нашли, что кораллы неважные и не настоящие, и даже не спросили о цене.

Итальянец возмутился.

– Это не настоящие! – воскликнул он.

И он клялся, что таких кораллов нет нигде на свете.

И, истощив свое красноречие, он быстро “отошел” и уже добродушно и быстро затараторил о том, что не купить чего-нибудь для “belle signore” ², как русские, было просто безумием со стороны офицеров.

– Не то, – возбужденно кричал он, – бедные синьоры проплачут свои глазки на своем дальнем севере оттого, что они так бессовестно забыты своими друзьями, – подчеркнул он, лукаво и весело подмигивая черным глазом.

Однако его угрозы не действовали даже на пожилых соломенных мужей-моряков.

Тогда Пепино, полный уверенности, воскликнул, что русские синьорины, конечно, разлюбят офицеров, если они не привезут какого-нибудь сувенира из Неаполя.

Мичмана только расхохотались.

Зато старший офицер и старший механик не смеялись, но любопытнее заглядывали в ящик итальянца и, казалось, при публике не хотели покупать.

Тогда итальянец, видимо потерявший терпение при виде такой глупости русских, бешено крикнул что-то, вероятно, не особенно лестное для моряков и, негодующий, выбежал из кают-компания на верхнюю палубу соблазнять матросов.

² “Прекрасной синьоры” (итал.).

II

Матросы добродушно и ласково потрепывали по спине итальянца, говорили ему: “бон” и больше мимикой, чем словами, объясняли, выворачивая карманы, что денег нет.

– Аржану-но. Понимаешь, черномазый?

Пепино добродушно смеялся, тоже ласково трепал по спинам матросов, показал маленькую серебряную монету и старался пояснить, что довольно и этой монетки, чтобы купить какую угодно вещь. Нечего и говорить, что эти торопливые слова подкреплялись необыкновенно выразительными пантомимами и жестикуляцией Пепино.

Пожилой, рыжеватый боцман Антонов подошел к итальянцу и несколько застенчиво стал спрашивать цену маленького кольца.

Пепино запросил двадцать франков, показав два раза свои грязные пятерни.

В ответ боцман обругал непечатным словом итальянца и показал свои два просмоленных корявых пальца.

Подвижное лицо итальянца выразило изумление.

– Только для “russo” продам за десять! – воскликнул итальянец.

И Пепино решительно сунул кольцо в карман штанов боцмана.

Взвизгивая, чуть не умоляя, он частью словами, частью жестами старался объяснить, что у него дети, и что он еще не обедал.

– Манжаре, это значит черномазый насчет еды! – не без апломба проговорил подошедший курчавый, черноволосый фельдшер.

Кончилось тем, что итальянец отдал кольцо за два франка.

– Еще итальянцы, а жулики, – проговорил фельдшер.

– Наших, что ли, мало! – раздраженно бросил боцман. И строго прибавил: – Везде, братец ты мой, манжарить нужно. Или тебе это невдомек, фершалу? А еще тоже образованный.

И, стараясь скрыть довольную улыбку от покупки, боцман завернул кольцо в конец шейного платка.

– Это вы для кого, Арсентий Иванович?

– Для тебя, умника, – резко оборвал боцман, – тоже тебе, хорьку, все пронюхать надо, – прибавил боцман.

– Я по своему рассудку сам могу понять, для кого купили супирчик! – конфиденциально произнес фельдшер и прищурил свои плутоватые, быстрые и несколько наглые глаза.

– Ты зря не виляй хвостом. Так-то лучше, Абрамка; от твоего любопытства чутье пропадает... Еще помрешь, – усмехнулся боцман.

– Не бойтесь, Арсентий Иваныч, я знаю, про что знаю. Слава богу, тут-то у меня есть, – указал фельдшер на свой лоб.

– И знай, пока морда целая! – вдруг окрысился боцман.

– То-то и видно ваше необразование, а туда же супирчики! – не без снисходительного презрения произнес фельдшер и однако благоразумно улизнул.

– Сволочь! – кинул вслед ему боцман.

III

В эту самую минуту мелкими шажками приблизился среднего роста довольно видный, полноватый человек, свежий, румяный, гладко выбритый, с пушистыми, приподнятыми кверху усами. На толстом мизинце сверкал маленький брильянт. Это был Петр Иванович Приселков, старший судовой врач на “Нырке”.

– А ты что же, Антонов, не явился ко мне показаться?

– Запомню, вашескобродие.

– Скажите, пожалуйста, отчего же это ты мог запомнить, а сам же жаловался. Ступай сейчас в лазарет, осматривай.

И они спустились вниз на кубрик, в маленькую каютку, где был лазарет.

– На что же именно ты, братец, жалуешься? – мягко и искусственно ласково спросил Петр Иванович, слегка вытягивая грудь и принимая серьезный вид авгура.

– Внутри ничего не оказывает, вашескобродие.

– Да где же “оказывает”?

– Нигде, вашескобродие. Тоской болен.

– Тоской? – удивленно спросил доктор, – отчего же ты тоскуешь?

– Смею доложить, вашескобродие, ото всего.

– Как от всего? Например? Рассказывай.

– Самые, можно сказать, нудные мысли лезут в голову, так ее и сверлят.

– Гм... – глубокомысленно протянул Петр Иванович. – Так сверлят?

– Точно так, вашескобродие. Ровно бурав в башке.

– Ты говоришь – бурав? И часто?

– Чаще по ночам, вашескобродие.

– Д-а-а. Ложись, я тебя осматриву.

Но, прежде чем лечь, боцман возбужденно и быстро стал говорить какую-то чепуху, среди которой вырывались и самые здравые речи. Подавленный боцман быстро лег на койку и несколько испуганно взглянул на доктора возбужденными глазами. Казалось, больной испугался доктора главным образом оттого, что Приселков заговорит боцмана.

Недаром же Петра Ивановича матросы называли “стрекозиным старостой” и не без основания считали, что он “очень о себе полагает”, так как был уверен, что он самый башковатый человек на свете.

– Ну, рассказывай, Антонов.

– Насчет чего, вашескобродие?

– И глупый же ты, Антонов; по порядку рассказывай, где и как у тебя болит.

– Я уже обсказывал вашему скобродию, что форменно ничего не болит, только в башке сверлит.

– Когда же это началась?

– Еще в Кронштадте; все беспокойная дума донимает.

– Насчет чего?

– А насчет всего; одна тоска, и никуда от нее не уйдешь. Даже перестал настояще заниматься службой. И прежнего форца нет, и форменно матрозню не привожу в чувство, даже ругаюсь без всякого старания. А, кажется, знают боцмана: в струнке держал, а теперь – одна скука.

– Так ведь это, Антонов, хорошо, что ты перестал быть идиолом, по крайней мере перестал быть грозой.

– Хорошего-то мало, вашескобродие, когда заболел тоской. Особенно по ночам тяжело, и такая-то глупость лезет в голову, что и не обсказать. И все будто и перед людьми виноват

и других виноватишь. Будто вовсе люди бросили без всякого внимания. Обижают своего же брата. Отчего это без обиды никак не проживешь?

– Да кто же тебя притесняет? – удивился доктор.

Боцман чуть было не сказал: “Да твоя же глупость”, но вместо этого с страдальческой улыбкой проронил:

– Никто, вашескобродие.

“А то заговоришь”, – решительно подумал боцман и прибавил:

– Так извольте осматривать, вашескобродие.

– А ты, братец ты мой, не учи меня, я и сам знаю, на то я и доктор, а ты матрос.

– Слушаю, вашескобродие, – промолвил боцман, и в его глазах промелькнула лукавая усмешка.

Петр Иванович заметил это и озлился.

– Ноги подыми.

И с этими словами Петр Иванович присел на койку, выслушал сердце и грудь, потрогал живот и, поднявшись, сказал:

– У тебя все в порядке. Скоро поправишься. Тебе надо отдохнуть, и всякая тоска пройдет.

– И чудные мысли пройдут, вашескобродие? – возбужденно спросил больной.

– Разумеется. Главное – будь спокоен и ни о чем не думай.

– Уж пропишите лекарство насчет того, чтобы ни о чем не думать, вашескобродие.

– Пропишу. А пока я отправлю тебя на берег, в Неаполь. Там тепло и солнце. В итальянском госпитале тебе будет хорошо, покойно; людей, которые тебя так раздражают на клипере, не будет. Ты отлежишься там месяца два и выйдешь таким же отличным, старательным боцманом, как и был.

– Слушаю, вашескобродие. Только не лучше ли будет поправка, ежели прикажете меня отправить в Кронштадт; по крайности свои люди присмотрят.

– Вишь ты какой, больной, а воображаешь, что можешь учить. Говорю, ни о чем не думай.

Боцман внезапно раздражился и, видимо сдерживаясь, почти крикнул:

– И умные же вы, господа, наскрозь понимаете, а вот был Вячеслав Оксентич, наш старший врач, царство ему небесное, так он всякого больного понимал, а главная причина – добер был, да и ума был большого, а не гордился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.